

12+

Николай Шамрин

Кяризы

Николай Шамрин

Кяризы

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Шамрин Н.

Кяризы / Н. Шамрин — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Эта повесть рассказывает о первом боевом опыте командира роты в Афганистане и является второй частью "афганского" цикла-трилогии. Основой сюжета послужили реальные события, связанные с попытками командования ОКСВ захватить ПЗРК "Стингер", которые США поставляли движению моджахедов. Комплексы обладали высокими боевыми характеристиками и являлись реальной головной болью летчиков боевой и транспортной авиации. Но главное в "Кяризах" не присутствующая в повести некая "детективная" линия, а люди, с которыми довелось встречаться и служить Капитану. Повесть рассчитана на широкий круг читателей.

Николай Шамрин Кяризы

Нас не много и не мало,
Нас шестнадцать человек.
Все в одежде для спецназа,
Ладно скроенной навек.
Не в одежде только дело,
Лишь бы был здоровый дух.
Если хочешь есть варенье, не лови...
группа «Каскад»

Колонна шла без остановок уже несколько часов и казалось, что марш никогда не закончится. Иногда в голову приходила мысль, что комбриг просто забыл поставить конечную точку маршрута на карте. Я оглянулся в сторону расплавленного солнца: три «ниточки» бронетехники шли параллельно друг другу, заполнив всё пространство песчаной долины междуречья. Так уж сложилась военная судьба, что мне пришлось вдосталь надышаться пылью пустынь. Память всё ещё хранила названия ветров Муюнкума и Гоби, но сейчас мне казалось, что песок Регистана даст приличную фору по части зловредности всем пустынным пространствам мира. Это даже не песок, это – цемент самого мелкого помола. Колёса автомобилей и траки бронемашин поднимали серо-жёлтую завесу сыпуна до самого поднебесья и даже солнечные лучи с трудом пробивались сквозь мельчайшие крупички кварца. Кажется нашему батальону повезло меньше всех: мы шли вслед за танковой ротой и «слоны», так на солдатском жаргоне прозывались тяжёлые боевые машины, с усердием обдавали нас пылью, закрывая видимость и нам, и духовским разведдозорам. В этих условиях сложно было держать дистанцию между подразделениями и иногда Богдану, водителю моего бэтэра, с трудом удавалось избежать столкновения с кормой, идущего впереди танка. В такие моменты нас, сидящих на броне, спасала только сноровка и нежелание слететь на обочину колонного пути.

Экипаж моего командирского бэтэра небольшой, всего пять человек, включая меня. Согласно установившемуся правилу, основанному на боевом опыте предыдущих лет, внутри машины находились только водитель и наводчик башенной установки, все остальные сидели сверху, на броне. Так больше шансов остаться в живых в случае подрыва. Цинично, конечно, но и у водителя, и у пулемётчика, таких шансов было намного меньше. Все знали об этом, но, ничего не поделаешь, на войне у каждого своя «группа риска». Впрочем, у Богдана вероятность выжить была несколько больше, чем у наводчика, так как на марше он управлял бронетранспортером в положении «по-походному». Считалось, что при наезде на мину, взрывная волна просто выкинет водителя из машины.

Это был мой первый выход на операцию, и потому, мне приходилось постигать азы «афганского» опыта буквально на ходу. У меня за плечами был опыт службы в Забайкалье и в Прибалтике, но в Афгане другие правила и другие мерки, потому, я с пониманием относился к некой настороженности как со стороны солдат, так и со стороны подчинённых мне офицеров. Ничего не поделаешь, авторитет здесь завоёвывается не только командирской строгостью и принципиальностью, здесь нужно что-то ещё, то, чему сложно подобрать название. Я и сам не заметил, как мысли о моём «вливании» в коллектив роты, отвлекли от дороги. Вернуться в действительность мне помогло очередное резкое торможение и приглушённый мат водителя, доносившийся из облаков песка. Протерев глаза от пыли, я увидел Богдана, наполовину вылезшего из люка бэтэра и громко орущего на суетящихся впереди танкистов. Никогда не думал,

что деревенский парень из глухого прикарпатского села, обладает таким набором ненормативной лексики, видимо служба в составе ограниченного контингента, значительно обогатила его словарный запас. Я толкнул сержанта в плечо:

– Хватит, Богдан! Чего зря время тратить... объехать сможешь?

Водитель развернулся ко мне всем корпусом. По инерции он хотел было продолжить в том же духе, но встретившись со мной взглядом, резко поменял интонацию:

– Танк заглох, ждать придётся пока не заведут. Видите, коридор узкий, броник ни справа, ни слева не пройдёт, арыки глубокие...

Я осмотрелся. Пожалуй, водила был прав, бэтээр не сможет преодолеть высокие стенки насыпи. К машине подошёл техник роты. Павел, несмотря на свою молодость, считался опытным воякой, так как прослужил «за речкой» без малого год, и нередко помогал мне советом, а я взял за правило прислушиваться к подсказкам товарищей. Ну, если, конечно, находил их толковыми. Постучав по броне, чтобы привлечь моё внимание, прапорщик чуть охрипшим от долгого молчания голосом проговорил:

– Товарищ капитан, надо что-то делать... Колонна здесь как на ладони, зелёнка-то, совсем рядом, метров триста будет, как раз для гранатомёта... Решать надо.

«Блин! Что-то меня унесло от философских мыслей, – думал я, оглядывая местность, – Пашка прав на все сто, мою машину, пожалуй не зацепят, а вот броню гранатомётного взвода вполне могут достать!». Кивнув головой, я отстегнул тангенту и спрыгнул в песок:

– Эфир засорять не могу... давай Пашка, дуй вдоль колонны и отрегулируй дистанцию между коробками третьего и гранатомётного взводов. Не менее двадцати метров. Передай взводным, чтобы усилили наблюдение за зелёнкой и башни в ту сторону развернули... Всё, больше ничего мы сделать не сможем. Исполняй.

Техник немного смутился:

– Товарищ капитан, можно я приказ вашему заму передам, а то он снова обидится, что я через его голову, напрямую...

Еле сдержав набежавшее раздражение, я хмуро ответил:

– Потом разберёмся, не теряй времени. Дуй, тебе говорят...

Заметно повеселев, прапорщик помчался вдоль брони поднимая ногами тучи пыли. «Не ожидал, что в роте возможны «придворные интриги», – мысли прыгали почти в такт широким шагам техника, – на пустом месте... Ладно, вернёмся на базу, переговорю с парнями о субординации». С брони свесился ротный медик:

– Товарищ капитан, промойте глаза, – старший сержант заботливо протягивал мне фляжку с водой, – давайте я вам полью...

Я с недоумением посмотрел на санинструктора:

– Чего это?

Тот слегка снисходительно пояснил:

– Вы просто ещё не знаете всех свойств этой пыли, она действительно, почти цемент. Разъедает и кожу, и роговицу глаз, – заметив мои колебания, он чуть напыщенно закончил свою короткую лекцию, – это я вам как медработник со практическим стажем говорю.

Я уже успел ознакомиться с биографиями своих подчинённых и знал наверняка: санинструктор роты был отчислен с первого курса смоленского мединститута, после чего успел поработать медбратом в одной из городских больниц, откуда и был призван в армию. Впрочем, его очень уважал наш батальонный доктор, а это совсем не так уж и мало. Подставив ладони под тонкую струйку воды, я промыл глаза и кое-как ополоснул лицо:

– Всё, достаточно. Спасибо, сержант!

Сверху раздался голос замполита:

– Командир, танкисты завелись. Трогаться надо.

Я быстро забрался на броню и, подключив разъём к шлемофону, нажал тангенту и дал команду на начало движения. Пустынный ветер слегка разогнал песчаную взвесь, и я увидел, как бэтээры один за другим трогаются с места. Санинструктор пересел поближе ко мне, очевидно он решил укрепиться в статусе командирского «советника»:

– Повезло нам! Духи, считай, бесплатно пропустили... Ни разу не пальнули.

Меня несколько покорило замаскированное панибратство «доктора», но раздувать проблему из-за пустяка, не стал. Коротко взглянув на него, прокричал в ответ:

– Вы, сержант, крепче держитесь, а не то вылетите ненароком, кто народ лечить-то будет?

Медик оказался смышлённым парнем. Кивнув головой, он переполз на прежнее место к башне и крепко приобнял пулемёт.

В наушники сквозь треск эфира прорвался голос комбата:

– «Весна», я – «Марс». Доложи обстановку...

– «Марс», я – «Весна», продолжаем движение...

– Хорошо. Продолжай. – Комбат умолк.

Замполит с удивлением взглянул на меня:

– Чего это он?

Я пожал плечами:

– Вообще-то комбат обязан поддерживать связь, вот и пообщался. А может просто устал в режиме радиомолчания ехать.

Старлей кивнул, мол, всё ясно, но видно и ему надоел «режим» молчания. Он повернулся ко мне:

– Мы-то не заблудимся? Сплошная пустыня... Ни одного ориентира!

Вопрос был пустой, но я ответил со всей серьёзностью:

– Не переживай, комиссар. Видишь, там кишлячок? – ткнув пальцем в сторону сливающихся с грунтом и, потому, еле различимых строений, продолжил, – за ним наши пути со «слонами» расходятся. А ещё через пару километров и конечная точка будет.

Замполит поднял на меня встревоженный взгляд:

– Это, что ж получается... мы дальше без прикрытия пойдём?

На мгновение мне показалось, что в глазах политрука мелькнул страх. Он прибыл в батальон на две недели позже меня, и мы ещё не успели как следует присмотреться друг к другу. Правда мне очень не понравилось его поведение при уточнении задачи на марш: и слушал невнимательно, как бы демонстрируя своё особое положение, и даже не стал смотреть на карту, на которой я отмечал кроки маршрута и детализировал задачи взводам. «Показалось, наверное. – Я несколько поспешно отвёл взгляд. Не хотелось подозревать офицера в трусости. – Ладно, с кем не бывает? Всё-таки в учебке служил после училища. А какая там практика у замполита?» Переключившись на внутреннюю связь, я приказал Богдану снизить скорость, чтобы дать возможность подтянуться остальным машинам и увеличить дистанцию от танковой колонны. Повернувшись к заму, я снова указал на низкие стены дувалов:

– Смотри, комиссар, метров за сто до кишляка нас обгонит первый взвод и пойдёт как головной дозор. Не дрейфь, уже трое суток здесь работает наша бригадная десантура и держит обстановку под контролем. И, вообще, прорвёмся... В следующий раз будь внимательней, ты обязан знать порядок выполнения...

Замполит торопливо прервал мои напутствия несвязными фразами:

– Понял. Да знаю я всё... Да и чего мне дрейфить? По штату не положено. Я провожу в жизнь линию партии, а вникать в задачи взводных, не моё дело.

Отвечать было некогда, позже объясню, что «положено», а что нет. Я передал командиру первого взвода сигнал на начало незамысловатого манёвра и подтолкнул рукой водителя, чтобы он снизил скорость до минимума. Через несколько минут три машины обошли нас и заняли места в голове колонны.

У въезда в кишлак, перегораживая дорогу, стоял сгоревший «Симург», очевидно разбитый прямым попаданием снаряда. С его платформы как-то неуклюже свисал покорёженный ДШК, установленный на самодельный станок-треногу. Ствол пулемёта напоминал корень сказочного дерева. Замполит с тревожной насмешливостью прокомментировал:

– Знатно его... Как на военных картинках Кукрыниксов...

Я, пропустив мимо ушей неуместную полушутку зама, передал взводному приказ обходить кишлак по левой окраине.

– Зачем? – похоже, что замполит всерьёз решил взять мои действия под свой, «партийный» контроль, – прямо ведь, покороче будет!

С трудом сдержав внезапную злость, я протянул ему бинокль и, внешне спокойно, удовлетворил его любопытство:

– Смотри, комиссар, даже отсюда видно, что машина стоит не менее суток и никто её не убирал с пути. За это время «симурку» спокойно могли заминировать. Десантура не стала с ней связываться, чтобы время зря не терять, просто обозначили... Там, у заднего моста указка валяется... Видишь?

Тот никак не хотел успокоиться:

– А почему именно слева? Чутьё? Командирское...

Я уже собирался вспылить, но неожиданно ко мне на помощь пришёл санинструктор:

– Так там свежая колея. Понятно, что «слоны» недавно проходили. А духи спецом ДШК в кузове оставили. Как приманку... Не дураки они, духи-то!

Мельком взглянув на замполита, я увидел, как краска залила его, недавно протёртое от пыли, лицо. Только вот непонятно было, от чего он так завёлся? То ли от своей оплошности, то ли от негодования на ротного санинструктора. «Ладно, отложим разборки, – думал я, наблюдая как машины первого взвода пробираются по узкой тропе, – не время сейчас, позже». Я не заметил, как медик снова оказался рядом, как раз между мною и замполитом:

– Ничего, товарищ капитан, если танки прошли, то и мы проедем.

Я автоматически положил руку на плечо парня. В принципе, я мог и не благодарить его таким образом, но мне, почему-то захотелось чуть-чуть позлить комиссара и заодно подбодрить медика. Ничего не поделаешь, слаб человек во грехе своём.

– Ты уверен, доктор?

Сержант кивнул головой и со знанием дела ответил:

– Не впервой ведь... В горах сложнее бывало!

Я снова подтолкнул Богдана:

– Давай вперёд. Дистанцию держи метров пятьдесят.

Богдан не стал пользоваться переговорным устройством, просто кивнул головой и плавно тронул машину.

Я на всю жизнь запомнил этот поворот у кишлака. Там, на обочине, лежал труп молодого парня-афганца. Это была первая, увиденная мной, жертва войны. Несмотря на пыль, было видно, что он одет в нарядную одежду и, что его лицо уже приобрело неестественно синий оттенок. Тяжёлый запах, исходящий от тела, успел достигнуть рецепторов прежде, чем бэтээр проехал это зловещее место. Санинструктор понимающе взглянул мне в глаза:

– Может нашатырю? Он хорошо дух мертвечины отбивает. Я первый раз вообще проблевался.

Постаравшись задавить рвотный позыв, я глубоко вздохнул и зачем-то спросил парня:

– Как думаешь, это наши его?

Тот почти равнодушно пожал плечами:

– Да кто ж его знает? Может и наши. А может это была его «симурка» с ДШК. Мирные-то, загодя уходят. Откуда только узнают?

Я кивнул головой и осмотрелся по сторонам. Слева неширокий арык нёс свои мутные воды в неизвестном нам направлении, а справа возвышались глинобитные дувалы, скрывая за собой опустевшие дворы и нехитрую домашнюю утварь дехканских хозяйств. Лишь ветви плодовых деревьев, свешиваясь над заборами, напоминали о том, что ещё недавно улочки этого кишлака были наполнены людскими жизнями. Дорога была очень узкой, и я вдруг подумал, что Богдану тяжело вести семидесятку впритирку к дувалам. Впрочем, он пару раз всё-таки задел саманную стену углом носовой брони, но та устояла. Замполит с укоризной покачал головой и прокричал мне в ухо:

– Так себе, водила. Ты командир, подумай, может стоит его заменить? Потом...

Может я устал физически, а может просто не хотел серьёзно отвечать на откровенные глупости, поэтому просто буркнул, не глядя на заместителя:

– Посмотрим. Время покажет...

Комбат выбрал отличное место для ночёвки: справа и слева возвышались невысокие сопки, защищавшие район от миномётных обстрелов, а впереди протекала, пусть и неглубокая, но довольно широкая река, служившая естественной преградой для диверсионных групп мятежников. Отдав распоряжение по организации сторожевого охранения, я оглядел офицеров и прапорщиков и подвёл итог короткому «совету»:

– Вопросы есть? Вопросов нету... Тогда за работу, товарищи офицеры. Пока светло, надо выставить посты и ещё, костры для подогрева пищи разводить только в ямах. Всё понятно? Через полчаса жду доклады о выполнении.

Задержав техника роты, уточнил его задачу:

– Пашка, проверь наличие горючки и передай данные на «Марс». Тебе меньше всех повезло.

Прапорщик удивлённо посмотрел мне в лицо:

– Это ещё почему?

У парня был такое простецкое выражение глаз, что я невольно улыбнулся:

– А потому, дорогой мой человечиче, что я тебя прошу, заметь – «прошу», лично проверить техсостояние брони. Лично!

Лицо техника слегка помрачнело:

– А, взводные? Это, вообще-то...

В принципе, я ожидал подобной реакции, и потому перебил его на полуслове:

– Пал Михалыч, взводные сейчас личным составом занимаются и охранением, заодно. И, вообще, для них, ну, кроме Зайкина, нутро бэтээров, как астрономия: небо со звёздами видят, а, что, к чему, не понимают. В училищах всё больше на бмп катались.

Пашка согласно кивнул головой:

– Ваша правда, товарищ капитан, – немного помолчав, всё же решил и меня озадачить, – а, что по боеприпасам «Марсу» докладывать?

Я хотел было засмеяться, но удержался и с серьёзным видом ответил:

– На марше, слава Богу, без пальбы обошлось. Доложи, что боекомплект полный. Всё у тебя?

Прапорщик собрался было уходить, но вдруг спохватился и, понизив голос, сказал:

– С вами тут Богдан хочет пообщаться, сам постеснялся, вот меня и попросил. Позвать?

Я присел на пустой ящик из-под патронов и достал сигареты. Прикурив, посмотрел на техника:

– Слушай, Паша, я, что, людей пугаю?

Тот слегка ехидно ухмыльнулся:

– Как вам сказать? Шучу... Просто Богдан парень скромный, ему и впрямь неудобно.

– Ладно, зови. Пообщаемся, время есть.

Водитель возник как бы ниоткуда. Сильно смущаясь, он переминался с ноги на ногу и не знал куда спрятать натруженные кисти рук.

Кивнув подбородком на валяющийся рядом ящик, я протянул парню пачку сигарет:

– Садись Богдан, закуривай, не стесняйся.

Тот осторожно вытащил сигарету из пачки и также осторожно присел на ящик. Я протянул ему зажжённую спичку:

– Видишь, сколько «мебели» нам десантники оставили? Рассказывай, что стряслось?

Было видно, что ему трудно начать разговор, но всё-таки он решился:

– Товарищ капитан, – парень смутился ещё больше и неожиданно для самого себя, ни к месту брякнул, – разрешите обратиться?

Я со всей серьёзностью взглянул на сержанта:

– Хватит, а, Богдан? Не надо ходить вокруг, да около... Давай по-мужски.

Тот обречённо кивнул головой:

– Товарищ капитан, вы и в самом деле меня замените и на другую машину переведёте?

Чуть было, не упав с ящика, я с недоумением взглянул на водителя:

– С чего ты взял? Что за хрень?

– Мне Лёшка-медик сказал, что вы замполиту приказали подобрать мне замену.

От возмущения я на несколько секунд потерял дар речи. Сделав для успокоения хороший вдох, я ответил:

– Знаешь, Богдан, мне кажется, что мужики не должны опускаться до сплетен и вранья. Давай сделаем так: мы с тобой не будем устраивать разборки, ни с замполитом, ни с доктором, и ты просто поверишь мне на слово... Так вот, я считаю тебя отличным водителем и порядочным человеком. У меня даже в мыслях не было тебя менять. Мне кажется, что и прежний ротный тебя уважал, не зря же он тебе «сержанта» присвоил. Договорились?

Скоротечные сумерки не смогли скрыть счастливый блеск в глазах паренька. Богдан аккуратно затушил сигарету и радостным голосом ответил:

– Договорились. Я вас не подведу товарищ капитан. А насчёт звания... Когда ротный обмывал замену, ну, ещё до вашего прибытия, он во хмелю мне лычки и вручил, без приказа. Я не хотел нашивать, но Пал Михалыч сказал, что когда новый ротный приедет, то он с вами решит этот вопрос. – Поднявшись с ящика, «сержант» продолжил повеселевшим голосом. – Разрешите идти?

Я кивнул головой:

– Ступай. Готовь наш агрегат.

Увидев, что водитель направился в сторону бэтээра, ко мне подбежал связист и протянул гарнитуру:

– Товарищ капитан, вас комбат, «Марс» вызывает...

– Давно? – вопрос по идее был нелепым, но я задал его автоматически и не ошибся.

Солдат боязливо пожал плечами:

– Минуты две уже...

– Так, какого чёрта? – я надел телефоны на уши и нажал на тангенту:

– «Марс», я – «Весна». Как слышишь меня? Приём!

Прибыв в бригаду, я не мог не отметить высокою дисциплину переговоров по средствам связи. Режим радиомолчания соблюдался очень строго, а в ходе радиообмена все абоненты пользовались исключительно таблицами и числовой кодировкой. Общаться открытым текстом изредка позволял себе бригадир, да и то, в лишь экстраординарных случаях. Я понимал, что сильно проштрафился, позволив себе уединиться от связиста, но я никак не ожидал от комбата такой бурной реакции: поток хорошего русского мата буквально обрушился на меня сразу, после вполне себе цензурной фразы «слышу хорошо». Высказав всё, что он думает о моём

отсутствии в эфире, и дав моему проступку вполне заслуженное определение, командир успокоился и закончил уже довольно спокойно:

– Сейчас к тебе наливняки подойдут. Долго не возитесь там... И ещё, не шучу: увижу без станции на горбу, привлеку к партответственности. Как понял?

Что мне оставалось делать? Я кивнул сам себе головой в знак согласия с начальством и буркнул в эфир:

– Понял и принял.

Подняв глаза на связиста, я вдруг увидел на его лице чуть кривоватую улыбку. «А ведь он опытный радист, – мысль молнией пронеслась в голове, – почему сразу не подошёл? Тоже проверяет и ждёт моей реакции? Ладно, разберёмся». Встав с места, я с безразличным видом протянул к связисту руку:

– Давай, помоги надеть радиостанцию, – я говорил нарочито спокойно, без эмоций, – комбат прав! Накосычил я... А командир без связи, всё одно, как жеребец без яиц. Спасибо.

Попрыгав на месте чтобы, станция «нашла» своё место на спине, я снова взглянул на бойца. Тот явно не ожидал от меня такой реакции. Не услышав ни слова упрёка, он растеряно пробормотал несколько бессвязных фраз:

– Товарищ капитан... Это как, это? Она же почти пятнадцать кило весит... Как вы... А мне теперь куда?

Я, сделав вид, что с трудом вспоминаю его имя, деловито сообщил своё решение:

– Тебя ведь Владимиром зовут, так ведь? – увидев утвердительный кивок собеседника, продолжил, – иди в третий взвод, там у лейтенанта Зайкина вакансия есть, стрелка. Вот там и служить дальше будешь. Хорошая должность, настоящая, «пехотная». Дуй, не теряй время.

– Ты, чего это? – замполит подошёл сзади и его вопрос прозвучал для меня неожиданно, – рацию надел... Старшина подъехал, кухню привёз и бензовозы. Сейчас харчи по взводам распределяет. Я там, у ПХД, штаб организовал. Пойдём?

– Пойдём. Действительно, что-то есть захотелось, да и по старшине Ковалёнку соскучился, целый день, почитай, с Виктором Романычем не общались.

Старший прапорщик искренне обрадовался. Увидев меня, он даже распахнул руки, как для объятия, но спохватившись, приложил кисть к головному убору и, подобрав живот, бодрым голосом отрапортовал:

– Здравия желаю, товарищ капитан! Личный состав накормлен. – Опустив руку, он пожал протянутую ладонь и уже обычным голосом добавил. – Наливняки я технику передал. Пашка сейчас броники заправляет.

Я кивнул головой:

– Спасибо, Виктор Романович! Уважил... что на обед-ужин привёз?

Старшина, заподозрив подвох, виновато опустил глаза:

– Да, с обедом неловко получилось... Не удалось покормить...

Я поспешил успокоить служаку:

– При чём тут вы? Привалов-то не было, иначе в район ко времени не успели. Думаю, не впервой, совмещать? Обеды и ужины.

Ковалёнок согласно покивал:

– Не впервой, ваша правда. Вот только с таким «невпервоем», и язву нажать можно, – старшина вдруг засуетился, – я там стол накрыл для комсостава, они уже ужинают, проходите, присоединяйтесь.

Мы с замполитом одновременно повернули головы в сторону, куда указывал старшина. Там, под растянутой массетью, стоял солдатский обеденный стол, освещённый керосиновой лампой. В уютном закутке сидели командиры взводов, в голове стола в прямом смысле воссе-

дал старший лейтенант Печенегов, Виктор Александрович, мой заместитель. Замполит неодобрительно заметил:

– Смотри-ка, командир, Витёк, никак власть твою узурпировать хочет!

С прибытием в роту замполита, у них с Виктором установились, если не антагонистические, то, наверняка, отношения лёгкого соперничества, выражающиеся в постоянных подколках и насмешках друг над другом. Впрочем, их шутовские перебранки не шли во вред службе и, потому, я вполне резонно закрывал на это глаза. В конце концов, парни сами должны определиться «кто» из них, «кто». Не детский сад ...

Мы вошли под навес маскировочной сети и за столом возникла неловкая пауза: кто-то из взводных, вспомнив о субординации, попытался приподняться с места, кто-то, напротив, уткнул глаза в тарелку, и лишь заместитель, безо всякого смущения, продолжал орудовать ложкой. «Что за напасть? – вяло подумалось мне, – и «эти» ждут моей реакции. Интересно, какой? Пацаны, что с них взять?». Мне очень не хотелось именно сейчас заниматься вопросами поддержания авторитета, тем более что, на мой взгляд, эти попытки выглядели бы и смешными, и неуместными одновременно. Кивнув на свободные места у края скамьи, я громко сказал:

– Приятного аппетита, товарищи офицеры! Присаживайся, комиссар, я рядом примощусь, – опустившись на место, я, как бы внезапно вспомнив, обвел взглядом лица подчинённых, – напоминаю, товарищи офицеры и прапорщики, что до доклада о выполнении поставленных вам задач, осталось ровно две минуты и сорок две секунды. Так как я вряд ли успею справиться с ужином за столь короткое время, доклады будет принимать старший лейтенант Печенегов. А вы, Виктор Александрович, постарайтесь обобщить информацию, чтобы ваш доклад был без «воды» и ненужных подробностей.

Может мой спокойный тон, а может они просто осознали, что переборщили с проверкой на «вшивость», но ложки офицеров застучали гораздо быстрее и уже через полминуты шатёр опустел. Замполит с нескрываемым уважением посмотрел на меня:

– Ну, ты даёшь, командир! Без шума и пыли всех на место поставил! Смотри, – старлей ткнул прибором в темноту, – Витька-то, всех построил и доклады с блокнотом принимает...

Не знаю почему, но восторг политработника вызвал у меня лишь глухое раздражение. Отложив ложку в сторону, я посмотрел ему в глаза:

– Слушай, комиссар, работа замполита заключается не только в своевременном развёртывании ленинской комнаты, хотя, спорить не буду, это важный вопрос, – увидев, что замполит собирается перебить мои наставления, я прижал его ладонь к столу, – не встречай! Твоя работа заключается в создании боеспособного и управляемого коллектива. Думаешь, это просто «красивые» слова? Если ты действительно так думаешь, значит, ты сам себя не уважаешь. Ешь, давай... Нам с тобой нужно ещё точку поставить в этой глупой истории.

Замполит выдернул ладонь из-под моей кисти и обижено взглянул:

– Командир, ты сам себя слышишь? Говоришь как на политзанятиях: «Боеспособный и управляемый коллектив»! По-человечески сказать не можешь? Я, что, против нормальных отношений в роте? Или ты меня за стукача политотдельского держишь?

– Извини, просто хочу тебя понять...

Полог массети раздвинулся и в импровизированную столовую вошёл техник. Он весело улыбнулся и сходу спросил:

– Чего это Виктор Александрович взводных пытается? Прямо, как в школе, у доски...

– Присаживайся, Пал Михалыч! Старшина угощает, – дождавшись, когда прапорщик усядется на скамью, я продолжил, – Зам, по моей просьбе, проводит урок этики... Машинки-то, все проверил?

Пашка чуть виновато ответил:

– Товарищ капитан! Не успел ещё, только пять штук и проверил, – он нерешительно смотрел мне в глаза, будто ждал моего разрешения на приём пищи, – вы не переживайте, к полуночи всё будет готово.

– Ты, ешь, давай, а не то свалишься от бессилия, оголодавши...

Прапорщик хмыкнул и, размешав в каше приличную порцию сливочного масла, заметил:

– Хорошо, что вы приказали мне машины осмотреть. В первом взводе два броника на ладан дышали, даже не знаю, как до района доехали?

Я кивнул головой и, как бы между прочим, подвёл итог:

– Ешь, Паша, ешь... Теперь это твоя обязанность, технику в рейдах лично проверять.

Ну, пока взводные тебе зачёты не сдадут по правилам эксплуатации.

Тот согласно пожал плечами, мол, всё понял, о чём разговор? Я взглянул на замполита:

– Ну, что, комиссар, пошли доклад от твоего друга принимать?

Тот с видимым удовольствием поднялся из-за стола:

– Пошли...

Мы с замполитом вернулись с обхода постов сторожевого охранения. Он сам напросился со мной за компанию и стойко перенёс трудности ночной инспекции. Спать абсолютно не хотелось, тем более что до полуночи нам удалось прикорнуть пару часов. У костра, разведённого в небольшом углублении, нас ожидали старшина и Печенегов. Оба поднялись с ящиков как бы отдавая дань старшинству моего звания. «Надо же? – с лёгкой иронией подумал я, – а ещё вечером пытались проверить реакцию». С невозмутимым видом опустившись на свободный ящик, я прислонил автомат к колесу бронетранспортёра и снял радиостанцию со спины:

– Садитесь, чего стоите? В ногах правды нет...

Виктор неловко улыбнулся и присев, сказал, глядя в небо:

– А мне показалось, что вы обиделись нынче в столовой.

Мне стало смешно и отчего-то спокойно на душе:

– А ежели и обиделся, то сейчас вы как бы извиняетесь? – я постарался попасть в тон своего заместителя, – или индульгенцию на будущее зарабатываете? Ну, что бы расставить точки над буквой...

– Ладно, командир, глупо получилось, – несмотря на темноту и сполохи костра было видно, что старлей говорит от души, – хотели подшутить, а получилось... извините.

– Ладно, проехали. Кстати, можно на «ты». Я не против, если только не на официальных «приёмах»...

– Спасибо, командир. Как там, в охранении?

– Всё в порядке, народ особенно не нуждается в дополнительных стимулах. Что тут, скажешь? Выучка чувствуется...

В глазах зама мелькнула искра гордости, оно и понятно, он служил в роте уже целый год, а значит, что в выучке личного состава есть и его заслуга. Немного помолчав, Виктор задал вопрос, который очевидно засел у него в мозгу:

– Командир, а, что за фишка такая, разводить костры только в ямах?

И замполит, и старшина с нескрываемым любопытством смотрели на меня. Куда деваться? Я потёр натруженные ремнями радиостанции плечи и кивнул головой:

– В Забайкалье служил у меня во взводе солдат-иркутянин, настоящий и потомственный промысловик-охотник. Так, вот, как-то он мне рассказал, что в тайге страшно не медведя встретить, а человека... Там даже ритуал сложился: при встрече, люди ещё издали поворачивают оружие казённой частью вперёд и переламывают стволы, демонстрируя, что нет у них злого намерения. На ночёвке тоже принимаются меры предосторожности, ну, чтобы ни лесничего, ни чужака какого не привлечь. Потому и разводят костры в ямах, если злодей удумает

недоброе, то хорошо прицелиться даже с близкого расстояния не получится, отблеск костра из ямы силуэт размывает, потому и шансы выжить повышаются.

Старшина уважительно резюмировал:

– Сибиряки, они такие, столицу в войну спасли...

Старлей, напротив, с сомнением посмотрел мне в лицо:

– Не верю. Всё равно силуэт фигуры виден, что из ямы, что без ямы. Вы, сами-то проверяли?

Я отрицательно покачал головой:

– Как-то не довелось... Да и зачем? Хорошим солдатом был этот охотник. Даже если и приврал, то самую малость. А мы обязаны все меры принять, пусть даже мелкие и странные на первый взгляд, для сохранности жизни парней.

Замполит даже крикнул от неожиданности:

– Ты, командир, как-то чудно разговариваешь, как будто сто лет на земле прожил. Тебе ведь тоже впервые порох понюхать пришлось, здесь, за речкой?

– Твоя правда, комиссар. Просто один, очень умный человек, наказ мне дал, провожая в командировку. «Береги своих солдат, капитан, мальчишки они. Матери их дома ждут. Живыми». Я ему пообещал. Сами понимаете, обещание исполнять надо...

Виктор неестественно рассмеялся:

– Да, что с нами случится может, товарищ капитан? Ротный район, считай в глубине находится, вокруг войска, да и наше охранение, сами сказали, что всё нормально...

Я вдруг почувствовал усталость, но не ответить не мог:

– Запомни, Витя, ошибается тот, кто считает, что с ним ничего плохого случится не может. Что война стороной его обойдёт. Поверь, так не бывает. У меня к тебе просьба есть: я намерен радиста своего в отставку отправил, в распоряжение Зайкина, ты мне его завтра пришли. Мне как-то неудобно самому.

Зам с лёгкой ехидцей взглянул мне в глаза:

– Что, тяжела командирская рация? Плечи небось натерла?

Я невозмутимо ответил:

– Тяжела, почти пятнадцать кило. Вот только я ему радиостанцию не отдам. Володя будет обеспечивать её работоспособность, батареи менять, ну и дежурить во время отдыха. Я ведь не могу без сна обойтись. Да и не виноват он: кто-то его надоумил «проверку» мне устроить, вот и купился. Надеюсь, урок на пользу ему пошёл. Давайте отдыхать. Кто сейчас на хозяйстве? Ты, старлей? Тебе и рация в руки. Владей...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.